

Евгения Хамуляк

16+

Минута уцелевшей Вари

Евгения Хамуляк

Минута уцелевшей Вари

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хамуляк Е. И.

Минута уцелевшей Вари / Е. И. Хамуляк — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Дело происходит в захолустном подмосковном городишке, каких полным полно у подъезда к столице. Они стройными рядами «хрущовок» и однотипных улиц и площадей, а также серыми и пыльными буднями делают жителей своих городков той самой «серой массой», ненавидящей и проклинающей себя и время, в котором им выдалось жить, особенно это касается молодых и горячих сердец, мечтающих о полетах во сне и наяву. Подобное происходит в душе одной девушки по имени Варя, которая мечтает вырваться из серых будней ненавистного ей городка в другой город, страну, а лучше даже на другой континент или планету. Но ее ждет разочарование, никаких "других" больше не осталось, ее родина с ненавистными соплеменниками и есть последний оплот человечества, которого заставили поверить в "серую реальность" и свою собственную ничтожность. Сможет ли Варя вырваться из отчаянного положения пешки в чужой игре и помочь своим родным и близким и всей планете перестать быть рабами невидимого врага?

© Хамуляк Е. И., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Евгения Хамуляк

Минута уцелевшей Вари

ГЛАВА 1. ВСЕ, КАК ВСЕГДА, НАЧИНАЕТСЯ С ОТЧАЯНИЯ

Варвара сидела на мягкой траве прямо у входа в зашарпанный магазинчик, на козырьке которого красовалась гордая надпись «Супермаркет», переливающаяся огоньками со старой елки. Травка вокруг еще зеленела, как напевалось в знакомом всем детском стишке, хотя на улице уже давно стояла осень. Но подмосковная желтая поэтическая пора, видимо, позабыв про дожди и слякоть, вот уже четвертую неделю баловала москвичей и подмосковичей бабым африканским летом. Поэтому не было страшно сидеть на осенней земле и ходить в короткой майке. Все жители, конечно же, радовались такой аномалии, пожалуй, кроме бабушки Наташи, каждый раз смотрящей на экзотическое солнышко за окном и приговаривавшей, что это Господь перед апокалипсисом дарит заблудшим душам немного погреться, чтоб привыкли к адскому огню. В чем-то бабушка оказалась права...

Еще тридцать минут назад Варя, как оловянный солдатик (а бабушка всегда говорила: как ломовая лошадь), стояла у магазинчика, ожидая свою подругу. Но, похоже, очередь за горячительными, точнее – прохладительными напитками, которые должны были разгорячить ум в этот славный осенний день, День Города маленького подмосковного городишки, не хотела расходиться, а только удлинялась и удлинялась, заполняя помещенье, уставленное с пола до потолка стеклотитным товаром. Счастливые городские именинники все прибывали и прибывали за подкреплением, к слову, уже слегка развеселыми. И Варя даже слышала иногда крики разгневанного продавца, на которого свалилось нетерпение взбудораженной толпы, желающей побыстрее пуститься в омут, дымящий на открытой городской площади шашлыками, народными танцами, фейерверком и русскими горками. Больше всего стопорилась продажа и возникало возмущение от покупателей, кому закон, даже в такой святой праздник, не разрешал покупать желаемое. Очередь гневалась на закон и на его исполнителя, но оба они были непоколебимы. И в особо грозные минуты несчастный продавец вызывала на помощь из подсобки товаровед и по совместительству охранника и супруга, который своим двухсоткилограммовым видом внушал уважение и к закону, и к семье продавца.

Но уловки с напитками и сигаретами знали даже малолетки, правда, не у всех имелись совершеннолетние друзья, каких имела Варя, всегда отличавшаяся от сверстников какой-то взрослостью и отстраненностью, дружившая с не менее странными персонажами, которых в округе называли «ненормальными» или «чокнутыми» за свои пристрастия к разным странным вещам, на деле бесполезным, чтобы стать богатым или знаменитым, а значит, счастливым. Однако это не смущало девушку, не обращавшую внимания на недобрые взгляды, когда она порой снимала свой темный капюшон, из-под которого распускалась длинная русая коса, с середины отливавшая кислотным цветом, – и тут же обжигающий, раскраса воительной мапачи, огненный, а точнее, светло-карий, мандариновый взгляд с черной острой точкой посередине. Не многие хотели связываться с такими странными созданиями, от которых чего угодно можно было ожидать, и поэтому Варя и ей подобные обычно слыли изгоями, тусовались только в своих компаниях, где в почете значились какие-то технические штучки, странная музыка, непонятные книги, с названиями и назначениями, которых никто не понимал.

Вновь послышался подростковый крик в очереди, только сейчас осознавший всю строгость закона о малолетстве, и даже отчаянные аргументы о пятидесятиминутной толкотне в тесноте и в обиде не стали доказательствами права на покупку недостижимого напитка в шестнадцать лет. Вышел товаровед-амбал, но в этот раз это не помогло унять обидевшихся подростков.

Тогда в отчаяние впала сама продавец, почувствовав, что с пустыми руками хулиганы не уйдут, и посоветовала купить иного рода энергетик, который с ходу мог бы свалить насмерть любую скаковую лошадь, вскипятив ей мозг и кровь, и, как достоинство, срок действия бурой жидкости длился в три раза дольше. По всем преимуществам более выгодная покупка!

В очереди стали охать и ахать от такого злодейства в отравлении молодняка, с довольным видом расплачивающегося и тут же, не отходя от кассы, жадно поглощающего бурую жидкость. На этом очередной инцидент был исчерпан – и каждый вновь принялся ждать своей очереди, чтобы купить медленно действующий яд согласно возрастному ограничению.

Неожиданно сбоку подъехал дорогой автомобиль, из которого выскочили, как солдатики из коробки, несколько ребят и сиганули сразу же в подсобку, минуя очередь. Начался новый скандал, правда, быстро утихший, когда увидели, как последним из джипа, не спеша, вылезает сынок самого главы области. О нем ходили разные сплетни, что парень почти не учится, все время лежит в разных больницах или разъезжает по заграницам, лечится у заморских врачей от депрессии или еще какой-то напасти... Вид у парня и в самом деле был какой-то несчастливый, но нельзя сказать, что очень уж нездоровый: руки-ноги-то находились на месте, даже весьма спортивного вида. Вот только походка и вялость в движениях наводили на мысль, что ему все время скучно или он действительно не в себе. Тяжелый невнимательный взгляд, казалось, безразличный ко всему, блуждал, не отличая предметы от живых людей.

Он медленно прошагал мимо Вари, даже не взглянув в ее сторону, вошел в магазин, оглядел примолкшую толпу, вдруг отразившуюся в его глазах серой массой, и тут же вышел, опять усаживаясь в машину, так как дружки уже начали грузить «свои покупки».

Варя заглянула в магазин, из которого валил жар, а температура накалилась до средней в Сахаре, и заметила в толпе подругу, без надежды одними губами промолвившую, что стоять еще не менее получаса.

Девушка с сожалением вздохнула и отвернулась от неприятной очереди, чтобы упереться взглядом в ненавистный город.

Сколько себя помнила, а Варя помнила себя удивительно рано, она жила в этом городишке безвылазно. Вот уже пятнадцать лет. Многие ее одноклассники ежегодно бывали на море, за границей, естественно, посещали столицу, располагавшуюся всего-то в двухстах километрах, но у Вари не имелось родственников, кроме бабушки Наташи, которые бы смогли вывезти девочку хоть куда-нибудь. И даже в Москве ее никто не ждал. А в пятнадцать лет одну ее кататься никто бы не отпустил, да и у бабули не имелось финансовой возможности на такие капризы. Самое ужасное, что те редкие выезды с классом на экскурсии – и те отменялись под разными, порой весьма уважительными предложениями: Варя обязательно то заболела каким-нибудь острым респираторным заболеванием, то случалось что-нибудь похуже.

Но родной город ей был ненавистен не по причине безвылазного скучного пребывания, а по причине только своего существования. Для Вари он представлялся настоящим адом. И не только для Вари, стоит отметить. Он ощущался таким почти для всех его жителей. Серый, грязный, индустриальный, типичный провинциальный городок, со старыми полуразрушенными фабриками на окраине, до сих пор дымящими пылью и гарью, взявшими в свой пыльный плен всех жителей, сделав из них тоже серых, грязных, неприветливых и даже злых рабов. И только в один-единственный день в году они становились чуточку счастливее и радостнее, объединившись для празднования дня рождения, а на самом деле – дня своего рабовладения. Громко играла музыка, чтобы заглушить отчаяние в умах и сердцах заточенных горожан, дымили костры жаровен, румянились праздничные яства, на которые также сыпалась фабричная пыль, к которой все привыкли, как к родной.

И все жили как умели, веселились как могли, свыклись с этим мироустройством. И только Варя до сих пор не верила, что окружающая действительность реальна, поэтому ненавидела все

в этом городе. И пусть конкретного плана в пятнадцатилетней голове еще не сформировалось, но созрела весьма обозримая цель – вырваться и навсегда покинуть этот ад, забыв все эти лица, стерев их из своей памяти, оставив догорать вместе с жаровнями в этом пыльном забытом богом месте.

Вот какие чувства вызывала картина бушующего в празднике города, с установленной на центральной площади огромной ярмаркой с гигантским чертовым колесом и русскими горками, с которых визжали веселые жители. И единственным способом влиться в это веселье становилось забыться, впасть в безумное беспмятство, отдаться сиюминутному куражу, пусть он дорого обойдется собственному здоровью на следующий день.

Ведь Варя знала, что мир не заканчивается только городом ее детства, хоть никогда и не покидала его пределов. О других мирах она прочитала во множестве книг, которые ей удалось найти по старым муниципальным библиотекам, еще больше других погруженных в пыль, которую раз в год смахивали работники в честь инвентаризации. А когда библиотечные резервы и анналы были читаны-перечитаны, Варя завела себе хобби – поиск и выманивание зарубежной и русской фантастики у разных знакомых и малознакомых людей, часто использовавших подобные издания в каких угодно целях, но только не для чтения.

Мир не заканчивался даже столицами тех стран, где мечтала побывать однажды Варя. Книги поведали ей, что существуют параллельные реальности, жизнь после жизни, закоулки Вселенной, где больше не живут люди или остались жить нелюди... И все эти истории были для нее более реальными, более желанными, чем те, что предлагались в школе: с трагическими скучными повествованиями классиков, по описанию которых убогая несправедливая жизнь прошлых веков мало отличалась от той, что разворачивалась здесь и сейчас. Таким образом, к своим пятнадцати годам она прочла практически всю фантастику, когда-либо изданную или попавшуюся на глаза девушке.

***

Ее философские настроения в ожидании подруги вдруг разбил отчаянный крик мальчишки. Крикун восседал на мощных плечах отца, куда его только что усадила мать. Типичная семья этого городка: обкромсанные перекисью несчастные волосы мамыши, в честь праздника начесанные, словно антенны, устремившие в космос сигнал о взрыве на макаронной фабрике. Отец-здоровяк, страдающий ожирением второй степени, потерявший все волосы, а вместе с ними воспитание на какой-нибудь нервной работе. И лоснящийся от разноцветных сладостей карапуз, истерший почти все зубы в войне с кариесом. Все трое недобро между собой переговаривались: мальчик не хотел сидеть на неудобной шее отца, ерзал и собирался свалиться и заодно сломать кормильцу шею, отец пытался урезонить отпрыска и ругался на жену, почему та не взяла коляску, мать обругивала забывчивого отца, что про сломанную коляску она «пела» ему уже две недели, но тот со своей работой и вечерами, проводимыми в компании друзей, не внимал ее мольбам, вот и вышел коллапс, а девать ребенка некуда, сидеть с бабушкой малыш отказывался.

Семья здоровяков закрыла собой весь вид на празднующий город, который уже погрузился во тьму, окончательно потонув в дыму от шашлыков. И Варя хотела бы отвернуться куда-нибудь еще, чтобы не смотреть и не слышать неприятные пререкания семейки, как вдруг нечто странное бросилось ей в глаза.

Некая тень, вполне осязаемая, метнулась сначала между фигурами, а потом неожиданно запрыгнула сзади на толстяка-отца, судя по всему, неощутимо для него, потому как громадная фигура даже не шелохнулась... и стала, как бы это выразиться? меняться в формах. Варя инстинктивно зажмурила глаза, не веря зримому. Но это не помогло. Тем временем тень, представляя собой сгусток черного тумана, превращалась в какого-то... гигантского паука, с длинными ужасными ногами, на которых прямо на глазах отрастали черные блестящие когти... а мохнатая башка, выплывая из тумана, воротнулась в сторону обескураженной Вари, сверк-

нула такими же черными шестью или восемью глазищами на уродливом лице монстра и, не увидев опасности, оскалилась, чтобы в то же мгновение вонзиться острыми, словно швейные иглы, зубами в спину жирдяя.

Варя беззвучно вскрикнула. Но ничего страшного не произошло. Здоровяк не шевельнулся, будто ничего не почувствовал, а черная тень, словно кровососущий клещ, стала с удовольствием насыщаться, набухал уродливый горб на ужасном паучьем теле.

– Э, – пока тихонечко позвала ошарашенная Варя, не зная, к кому обратиться, к жертве или к кровососу, который так и не исчезал, хотя она уже десять раз протерла свои глаза... Как вдруг паук, неожиданно отцепившийся от спины, сглотивший черную каплю, повисшую на остром белом зубе, стал крутить башкой, чтобы лучше разглядеть, кто позвал его. И вновь произошли мутации: паучище трансформировался, превращаясь в уродливую, но вполне реальную старушечью голову на горбатой скрюченной спине.

– Ты что делаешь, карга! – вырвалось у Вари, увидевшей последние превращения. И хотя девушка до сих пор не могла поверить тому, что творилось прямо перед ней, все-таки решила вмешаться, несмотря на страх и отвращение.

– Ты кто такая?! – уже громче произнесла Варя, привставая и теряя последние капли страха перед чудищем, глаза которого, по-прежнему нечеловеческие, закрутились в разные стороны и, проморгавшись, обернулись-таки человеческими.

– Ты меня видишь? – прохрипела паучиха с головой старухи.

– А ты думаешь! А ну слезай с мужика... коза!

В этот момент толстяк обернулся на девичий крик – и с удивлением обнаружил сзади себя свирепого подростка с повисшей в воздухе рукой для удара.

– Дядь, на тебе какая-то тварюга сидела и из спины кровь сосала, – опустила руку Варя, обнаружив, что паучья тень с головой старухи бесследно исчезла, будто ее и не бывало.

Мужик внимательно поглядел сначала на девочку, потом вокруг себя. Ребенок на шею перестал ерзать и падать и тоже осматривался по сторонам. И, не обнаружив ничего странного, две пары глаз недоверчиво уставились на девицу.

– Клянусь! – завопила Варя. – Сижу здесь, никого не трогаю, смотрю на город, тут вы орете, как потерпевшие... Вдруг вижу: у вас на спине огромный паук притаился. Ну как из фильма ужасов! И башка вот такая, – бессвязно пыталась оправдаться Варя, показывая, как и что она увидела, всеми доступными вербальными и невербальными средствами. – И зубища вот такие, а голова – как у старухи, обычной, только очень злой. Она ими впилась вам в шею и сосала, а горб, как у клеща набухал... А вы не реагировали...

– А у нее глаза такие странные? Будто бельмо на них? – профессиональным тоном следопыта стал допытываться бугай.

– Да! Да! Такие белесые. И еще родимое пятно у правого уха. И огромная бородавка на подбородке... – стала показывать Варя, припоминая детали.

– На себе не показывай, – посоветовал мужик, а потом обратился к жене: – Вот где мать твоя шляется!

Женщина лишь недовольно шмыгнула.

– А я говорил, что она кровососка! Ее и Пашка поэтому на дух не переносит! – продолжал отчитывать жену бугай.

– А вы что, думаете, она реально кровь пила? И мне не показалось? – недоверчиво схватила за руку мужчину Варя.

– Девочка, я в полиции работаю, там и не такие вампиры попадают, – уверил полицейский Варю. А потом крикнул в воздух: – Найду – убью гадину!

Воздух заскрипел, словно услышал и внял угрозам. И, помяв себе шею, мужчина поудобнее усадил успокоившегося мальчугана, в руки которого попала новая липкая гадость-сла-

дость, и дружной троицей они, наконец, отправились в гущу праздника, оставляя ошарашенную Варю стоять и переваривать увиденное и услышанное.

Девушка позабыла и о подруге, и о ненавистном городе, из головы не уходила картинка с нечеловеческими превращениями, и она, словно ищейка, стала вглядываться в толпу прохожих, пытаясь разглядеть знакомое уродливое лицо с бельмом на глазу. Сама себя не понимая, она быстро повернула за угол и побежала к лесу. Конечно, куда еще можно было бы спрятаться чудовищу, как не в темный, мрачный ночной лес, куда только влюбленным и ненормальным в этот час хотелось бы войти и потеряться.

И почти у кромки леса Варя заметила тень, шмыгнувшую в чащу.

– А ну, стой! – крикнула девушка, начиная злиться. – Я все равно тебя запомнила! И все равно найду!

Кричала она вслед вампирше, хотя сама не понимала, зачем устроила погоню. Ведь, по сути, это могло оказаться опасным. В книжных ужасах описывалось, какой нечеловеческой силой обладают подобные существа и что они делают с малолетними девицами, попавшими им на обед или ужин. Но Варю, выросшую в этом городке, где с детства приходилось силой доказывать право на мнение, как и других его обитателей, отличало полное пренебрежение инстинктами самосохранения.

Вбежав в лес, она сначала растерялась... но ненадолго. Ей в голову пришла дикая мысль: если старуха, теща этого полицейского, так боится показаться на глаза простой девчонке, убеждает от нее, значит... Значит, ей есть чего бояться?!

– Покажись, тварюга! Я знаю, ты меня боишься! – крикнула Варя в лес, а про себя добавила: «Хоть и не знаю, почему...»

В ответ ждало молчание.

Варя стиснула зубы и повторила команду. Тишина.

– Мне что? Волшебное слово сказать? – окончательно разозлилась девушка – скорее даже на себя, чем на старую вампиршу. – А ну, встань передо мною, как лист перед травой! – выкрикнула в отчаянии Варя – и тут же отшатнулась с воплем. Из-под земли вылетели комья грязи, прямо как в сказке, и, почти вплотную, выпрыгнула паучья фигура с ошарашенным лицом бабки. Слава богу, без окровавленных иголок-зубов.

– Ну, что я говорила... как миленькая появишься, – процедила озадаченно девчонка, приходя в себя, а потом, схватив отвратительную нежить за горб в лохмотьях, проорала, чтоб напугать ее: – А ну давай рассказывай, кто ты такая? И что за фигня тут творится?

– А пальчик дашь откровить – тогда расскажу, – зло прошипела ведьма, тоже приходя в себя от наглости Вари, – а то ведь я из-за тебя не успела и пообедать. А твоей кровушки, даже капельки, мне на год хватит. Уж тогда и наслушаешься!

– Ты озверела, ведьма?! – оттолкнула Варя нежить в сторону и спрятала руки за спину.

– А как ты хотела? За бесплатно все секреты узнать? Это только в сказках пишут про сыр ничейный в мышеловках. А то, что ты меня видишь, – еще ничего не значит. Мало ли?! Меня вон и внук видел – а что толку!

– Нет, я тебе не верю. Ты моей воле подчиняешься... – предположила Варя.

– Так, может, ты сама ведьма проклятая. Вот дала б капельку отсосать, я б в себя пришла, обернулась, как прежде, – и поговорили бы по-человечески. За чаем. А так, – зыркнула недобро глазом с бельмом бабушка, – не буду говорить! Хоть оборись своими абракадабрами.

Варя в недоумении уставилась на нагло разлегшуюся на траве старушку с паучьими руками (или ногами?), зло и хитро посматривающую на нее снизу. И любопытство стало бороться с неприязнью, при этом Варя начисто забыла про подругу, про увеселительные планы, про тоску, что терзала ее с рождения, про отчаяние и безнадегу... С знакомством (если так можно выразиться?) с паучихой, которое состоялось каких-то десять минут назад, Варю будто подменили. У нее загорелись глаза, засветилось лицо, внутри вообще извергался вулкан стра-

стей. И она готова была не то, что капельку, голову на отсечение дать, лишь бы убедиться: все, что видится, – это правда! А происходило какое-то чародейство, про которое девушка читала только в своих любимых фантастических книгах.

Варя неуверенно протянула руку вперед, и в этот момент раздался грохот – десятки фейерверков раскрасили небо в разноцветные огни. Часы пробили полночь. Люди на площади радостно закричали «ура!» уходящему лету и несбывшимся надеждам, которые перекладывались на плечи осени и зимы.

Старуха, завидев протянутую ладонь, дрожа, с вожделием, словно собака на протянутую кость, приблизилась, глаза округлились, почернели и завертелись в разные стороны, рот разинулся в страшной скалистой пасти, выростали блестящие истекающие слюной иглы-зубы, готовые воткнуться в девичью розовую плоть.

Варя не отвернулась – она не боялась крови, и всегда, когда в больнице брали анализы, внимательно следила за процессом забора. И, приготовившись, просто затаила дыхание, стиснув зубы.

– Тебе не будет больно, девочка, я не пью кровь... я пью жизненную силу, – прошипела паучиха и воткнула свои иглы в руку Вари.

Больно действительно не было, хотя неожиданно лес оглушил пронзительный визг, затмивший грохот салюта, человеческие голоса и громкую музыку. Страшный, пробирающий до костей, нечеловеческий стон! Но кричала не Варя. А старуха-паучиха!

Ее тело, словно ударной волной, откинуло метров на десять в сторону и продолжило нещадно трясти, словно ее поколачивали палками изнутри.

Варя же, оглушенная, с протянутой рукой, так и замерла на месте, не в силах бежать или приблизиться, лишь наблюдая за конвульсиями старухи.

Только через несколько минут, собравшись с духом, на ватных ногах она подошла к уже переставшему двигаться телу и заметила, что оно не дышит.

Не зная, то ли звать на помощь, то ли пытаться реанимировать поверженную вампиршу, которой всего лишь несколько минут назад Варя сама предлагала полакомиться собой, девушка услышала шепот:

– На помощь не зови. Не помогут. Бежать нам надо...

– Господи, что с вами произошло? – выдохнула с облегчением Варя. – Вы живы?

– Уж вряд ли после такого удара кто-нибудь живым остался бы. Хорошо, что я уже как сто пятьдесят лет мертва.

Варя лишь ошеломленно молчала, не зная, что ответить на такое заявление.

– Что стоишь как вкопанная, бери меня на руки и беги быстрее! Да хоть бы к тем гаражам, на ту сторону озера, – указала мохнатой лапой с когтями куда-то паучиха. – Да пошустрее! Сейчас прискачут твои же дружки, наденут тебе на голову корону принцессы, мозги вкрутят по самые лампочки, и уж тогда несдобровать ни тебе, ни особенно мне... сто пятьдесят лет коту под хвост! – приговаривала старуха, проворно хватаясь за девичью шею и понукая лапками. – У тебя, небось, тройка по физкультуре? Бежишь, как троечница! Вот он уж и туман сгущается, духи неупокоенные плывут на крик мой. Беги быстрее! Не оборачивайся!

Варя, сама не зная почему, схватила старуху крепче – и действительно рванула что было сил к гаражам. И, кстати, по физкультуре у нее была пятерка, а если бы она того захотела, то могла бы и в соревнованиях участвовать и побеждать. Да некому было доказывать свои способности, Варя числилась не в отличниках, и поэтому медали ей были ни к чему. Но что-то в словах старухи встревожило настолько, что вызывало инстинктивный страх – ноги побежали так, будто сзади гнались свирепые голодные волки.

– Тебе сколько лет, красавица? – неестественно свернув голову набок, произнесла старуха, незлобно вглядываясь в лицо девушки.

– Пятнадцать... то есть уже шестнадцать, – ответила, запыхавшись, Варя, остановившись за желаемыми грязными ржавыми гаражами и глянув на догорающий салют в небе. – Мне одиннадцатого, сегодня получается, исполняется шестнадцать...

– Так я и думала, – произнесла задумчиво старуха, по-новому, с удивлением всматриваясь в лицо девушки. – Поставь меня на землю...

– Ты обещала рассказать про все, – напомнила Варя, подозрительно следя за старухой, нашедшей на земле какие-то сухие веточки и старавшейся растереть их лапками, точно пытаясь сотворить какое-то колдовство.

– А что рассказывать? Плохи наши с тобой дела, девочка. Тебя скоро поймают и в клетку посадят, как попугайчика, а меня в порошок сотрут. И будешь ты чужие желания исполнять, воду в вино превращать, камни в золото...

Варя с удивлением уставилась на монстра и почему-то еще раз потеряла глаза.

– Какой-то вечер сегодня странный, – тяжело вздохнула Варя. – Говорила мне бабушка: не читай на ночь свои фэнтези. Вы это сейчас серьезно насчет клетки?

– Серьезнее не бывает... Ну, если не будешь больше всполохами зеркальными раскидываться, может, проживешь подольше на воле... Вон, видишь, там блестит, – и указала черным когтем на небо, которое стало черным и красивым. – Стань соколом... – заговорщически произнесла ведьма. – Узри купол... накрывающий нас, как паучков в банке, чтобы мы не разбежались в разные стороны. Ну?!

– Как пакетом пластиковым накрыли, да? – пыталась разглядеть Варя, мысленно давая себе команду «стать соколом». Оказалось проще, чем она думала, даже слов волшебных не нужно было произносить. Просто глаза неожиданно приблизили картинку так близко, что стала различимой странная конструкция из полупрозрачного пластика, который, словно тент, и в самом деле покрывал видимое пространство.

Паучиха перевернула плечом.

– Можно и так сказать. Вот твои друзья этот пакет и натянули.

– Зачем?

– Война идет, деточка. А мы вроде как заложники, кто победит – тому и достанемся. Коли наши – то... – она не стала продолжать, ибо не верила в этот вариант, – а коли не наши – то ничего не изменится. Только хуже станет.

– Ничего не пойму! Какая война? Какие наши? Про что вы говорите?! – Варя округлила глаза, а руками показывала на все вокруг: на мирное небо, на тихую заводь, в которой недавно отражалась странная картинка бегущей девицы, у которой на шее повис громадный паук...

Да, по телевизору действительно показывали про некоторые страны, где шли войны, разворачивались вооруженные конфликты, гибли заложники. Но только не здесь. Тьфу-тьфу-тьфу!

– Космические войны! Ты сказок не читала, что ли? Их даже в школе проходят... Хотя какая сейчас школа?! – скорбно махнула мохнатой рукой паучиха. – Одно название! Я вот, помнится, первый коло еще не окончила, а знала больше, чем ваши профессора из академий. Это еще до первого потопа было. Выходили в рощицу с ребятами, садились на поляне цветущей... Тогда все цвело и благоухало, как в раю... Да это и был рай: деревья выше купола росли, с них, со священных, мы веточки себе срывали, ну как волшебные палочки, и зажигали эфиром своим внутренним, чтобы вспомнить, кем в прошлой жизни являлись, как и с кем ее прожили, ну, чтоб побыстрее в этой встретиться и лишних ошибок не наделать. Да и математику с физикой да с левитацией зачем зазря учить, когда вспомнить можно? И не только математику...

Варя вслушивалась, затаив дыхание... Про нечто такое она читала у фантастов. И все так и могло бы остаться фантастикой, если бы прямо сейчас перед ней не сидело монстроподобное существо, которому удалось-таки, что-то потеряв своими черными блестящими когтями,

зажечь огонек, по типу бенгальского, от черного дымка которого паучье тело медленно превращалось в низенького роста бабулю весьма приятного вида, хоть и с горбом на спине.

– А потом случилась беда... Удар космический ось твердыни сбил, вспенились океаны, друг на друга глыбы земные пошли. Живыми-невредимыми остались только те, кто в Тартар попрятаться успел, или кто куполом города свои заслони́л. Остальных потопом смыло, – горько продолжала бабуля. – Я тогда совсем малая была, толком ничего и не поняла, ведь похоже сделалось, будто небо упало... И наступила, как тогда говаривали, Ночь Сварога...

Обе они, не сговариваясь, посмотрели вверх, на бездонное звездное небо, и на минуточку бабуля замолчала, а Варя боялась ее перебить.

– Прошло время, даже не знаю, сколько... отсиделась в темноте, пока могла, а когда вышла из-под развалин, не узнала отчего края. Все пустыня: ни деревца, ни цветочка, ни лучика солнечного, города засыпало по крыши глиной непролазной, везде серый туман от погромов. Ад, да и только! Еще долго мы, сиротинки, развалы пытались разбирать, искать своих, да напрасно... Сгнули, будто их никогда и не было. А в один день, откуда ни возьмись, толпища чужаков прибыла: людей разномастных, разновозрастных, маленьких да больших, но одинаково обездоленных, гонимых, словно рабы... силами невидимыми. Только потом углядели мы этих..., что взглядом лишь усмирять умели, в пепел превращая любого неповиновенного... С взором колдовским, как у тебя... – хрипло проговорила старуха, тыкая в девушку старческим пальцем. Варя вспыхнула, хотела что-то переспросить, но женщина мотнула головой, чтоб ее не перебивали.

– Собрали они нас в лагеря трудовые и начали заново жизни учить... на черное – белым указывали, а белого – никогда, говорили, и не было. Вместо него серым все сделалось.

Она опустила взгляд, припоминая детали печального своего детства.

– Еще половину померло за учебу такую. Ибо магию и волшебство, что на тривиях мы познавали, свечи древесные поджигая, – запретили под страхом смерти. Стали нас водой отравленной поить, пасленом кормить, что голову беспамятной делает, а волю – рабской. Сама не знаю, как догадалась послушаться, не ела и не пила их отраву с тех пор, потому и сохранила рассудок и помню доподлинно историю. Но видела, как остальные забыли напрочь, подчинились, уверовали, что рабами рождены и рабами умрут.

Она дотронулась до своей головы, на которой волшебным образом завивались кудри, и бабушка на глазах преображалась, становясь все более и более симпатичной.

– А потом началась такая катавасия, что в учебниках ваших школьных описана: пришли белые, потом красные, потом фашисты, потом коммунисты... бесы, одним словом. Кровь человеческая и нечеловеческая, стравленная, лилась рекой, отчего последние всходы плодородных деревьев и цветов, что тепло и свет из центра земли, от солнышка настоящего, несли, – засохли и померли от боли. Большая часть планеты превратилась в бесплодную пустыню, целые города, материки без единой живой души... А тех, кто выжил, разделили на колонии и заставили пустоши елками засаживать, гробы бетонные возводить, бойни-фабрики строить. В таких условиях живым прожить разве что полвека можно... Эх, долго рассказывать! – махнула рукой симпатичная бабуля, стряхивая с юбки последние пылинки и листики, налипшие после приключения в лесу. – Ну а после пришли к власти серые... Коим души наши бессмертные понадобились. Вот те кашу настоящую заварили! – покачала женщина головою безрадостно. – Закрыли нас в резервацию и половину неугодных вместе с шалашами да скарбом танками раздавили, на том месте курган возвели, где теперь вон те вышки громоздятся, – она указала рукой на огромные антенны: те, словно гигантские ноги и уши какого-то монстра, сторожили весь город своими локаторами, – и каждый день оттуда сигналы посылают, от чего души человеческие в отчаяние приходят: озлобляются, отчаиваются, страшатся, в ненависть к родным впадают, душат и рвут друг друга на части... Сегодня вот только в честь праздника чуток передохнуть дали. Даже в тюрьме праздники положены.

– Для чего все это делается? Почему просто не... – хотела спросить Варя.

– Душа человеческая соединена с большой душой, за нее война ведется. Кто ею владеть станет – тому вся Вселенная подчинится. Загадка только в том, что если душа маленькая узнает, что в темницу заточена, – от этого она только сильнее станет, воспрянет духом, захочет с первоначалом соединиться. Ведь поначалу многие в скиты ушли, пытаясь самостоятельно бронь пробить, или бунты поднимали против врага, когда о куполе узнали... Это понимают порабитители беспощадные, решили они хитро с ополчением управиться, нас в заложники взяли, морок и такую несправедливость навели, что душа сама мечтает побыстрее с телом расстаться, забывая, что бессмертная она, неугасимая. А им того только и нужно... Чем больше жертв, тем слабее другая сторона.

– Не понимаю... а где те, кто спасся? Почему на помощь нам не придут?

– Они пришли б, да мы их не зовем... Одичали до животного беспредела, потеряли ключи к небесам – не видно нас и не слышно, а значит, помощи недостойны. Отныне клеймо на нас от дикости и варварства – «условно разумные», – скривилась бабуля.

Варя недоверчиво помотала головой.

– Ну что непонятного, бестолковая?! – стала злиться горбатая собеседница на подозрение и недоверие. – У тебя собачка дома имеется, небось? Чувствую, имеется.

На такой вызов Варя принялась к себе, но ничего не почувствовала.

– Вот хочешь ты, чтоб зажила твоя собачонка счастливо? Заговорила по-человечески, дом свой обрела, друзей, работу, семью?... А теперь представь, приходишь ты к...

– Баранке, – подсказала девушка.

– Баранке, – подхватила ведьма. – И пытаешься ее образумить, грозишь ей пальчиком: не пей из лужи, не ешь падаль, не спи на полу, веди себя по-человечески... Что она тебе ответит? А ничего не ответит! Ибо неразумное, одичалое создание. И любой им становится, кто теряет свет души, что моралью и совестью в быту называются, а вместе с ними и человеческий вид. А значит, право на человеческую жизнь. И тогда другие за него решать станут: что ему есть-пить, где спать, с кем жить и куда свою душу девать, когда помирать соберется. А чтоб не замечталась тварюга зазря – в ад посадят и раем это место назовут, чтоб молилась на чудищ, как на богов, раз душу дьяволу за кусок свиной и водицу гнилую продала, не уразумев ловушки.

Варя быстро-быстро заморгала, пробуя вникнуть в страшное услышанное.

– Вот и вся сказочка про белого бычка, на веревочке ведомого на убой, Варя... – серьезно сказала бабушка, а потом развернулась и неспешно пошла себе.

– Вы куда? – бросилась за ней девушка. – И как узнали, как меня зовут... ой, а я ведь тоже знаю ваше имя... Радмила Игоревна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.